

УДК 821.054.7+327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.186191

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Якубовский Андрей Эдуардович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ayac@yandex.ru

Аннотация

Поднимается проблема вхождения в современную русскую литературу произведений, создаваемой авторами-эмигрантами «четвертой волны». Отмечено, что значительный характер русскоязычной диаспоры за рубежом и наличие талантливых писателей потенциально может привести к созданию локальных русскоязычных литератур за пределами России. Обсуждается проблема факторов, позволяющих выделить такие локальные литературы как сформированные художественные явления. Выдвигается гипотеза, что в ближайшем будущем их взаимодействие с литературой метрополии будет строиться по классической региональной модели. В заключение делается попытка выявить принципы работы с зарубежной русскоязычной литературой как ресурсом «мягкой силы».

Ключевые понятия:

культурная самоидентификация, русская литература, литература русской эмиграции, русскоязычная диаспора, региональная литература, языковая среда, «мягкая сила»

Концепция «мягкой силы» трудна не столько сложностью корректного определения границ подхода, сколько непривычностью дискурса для нашего идеологизированного сознания. Как только мы начинаем говорить о конкуренции привлекательности и влияния в привычных терминах «противостояния» и «сдерживания», мы тут же скатываемся обратно к классическому дискурсу идеологом XX века. Этот дискурс прост и понятен; более того, он чрезвычайно инструментален. В категориях «противостояния» очень легко произвести декомпозицию целей, определить приоритеты, подсчитать необходимые ресурсы и в особенности размер финансирования, достаточный для достижения результа-

та. Любая государственная машина со сколько-нибудь выраженной вертикалью власти (а это, безусловно, оптимальная форма современной государственности) очень хорошо понимает язык такого проектного подхода и готова участвовать в реализации его целей. Там же, где речь идет о действительно адекватном выражении мягкой силы, то есть о создании качественных преимуществ, трудно укладывающихся в контрольные цифры статистики, чиновник либо просто не видит поля для своего участия, либо воспринимает эту работу опять-таки как некую идеологически обусловленную прихоть начальства, только осложняющую выполнение им своих прямых обязанностей. Когда мы ведем речь о «мягкой силе», мы говорим не об измеряемых достижениях, но о качественном превосходстве, которое чрезвычайно трудно поддается количественной оценке в явной, рационально выстроенной системе показателей – и которое трудно имитировать излюбленными этатистскими средствами (прежде всего массовостью и объемом финансирования).

Роль русского языка и национальной литературы в культурной самоидентификации трудно переоценить – язык является не только средством общения, но и носителем поля культурных смыслов нации, а литература создает и сохраняет модели национального поведения и национальной мечты. Невозможно обсуждать образ желаемого будущего общественного устройства России с человеком, ни разу не слышавшим словосочетаний «покой и воля», «нигилисты», «прозаедавшиеся», «пламенный революционер», «оттепель», «шестидесятники». Эти выражения, имеющие литературное происхождение, стали устойчивыми мемами (смысловыми единицами) общественной ментальности, позволяющими осмыслить современные явления социума в традиции русского образа мысли. Именно общность такого набора смысловых единиц позволяет вести дискурс, адекватно понимаемый культурным большинством страны.

Отрадно, что незыблемость достижений прошлого уже начинает осознаваться как характерная аберрация этатистского сознания. Однако даже в справедливом высказывании С. В. Лаврова о риске «полагаться на... статичные факторы вроде сохранения исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор» [4] следует сделать уточнение: здесь под «факторами», очевидно, понимается ресурс¹ мягкой силы. Геология, как специальная наука о ресурсах, накопившая огромный опыт их исследования, делит ресурсы на предполагаемые, оценочные, установленные и доказанные. Безусловно, русская литература и искусство в целом «статичны» в смысле того, что они являются долгосрочными ресурсами (например, можно обоснованно прогнозировать новые экранизации «Войны и мира» каждые 15–20 лет), однако «объем» этого ресурса как возможной опоры мягкой силы в конкретный момент существенно зависит от давления политической конъюнктуры, колебаний художественной моды и т. д.

¹ Фактор – то, что обеспечивает неиссякаемое обусловливание процесса, в то время как ресурс – накопление, имеющее тенденцию к уменьшению, хотя бы в краткосрочной перспективе. Например, кислород воздуха, поддерживающий горение костра – фактор, а кислород в баллоне, обеспечивающий дыхание экипажа – ресурс, восполняемый при определенных условиях. К сожалению, мягкая сила имеет дело именно с ресурсами: к примеру, русскоязычная диаспора в конкретной стране может сохраняться (самовоспроизводиться), а может иметь тенденцию к ассимиляции.

Проблема единства русской литературы – больше, чем чисто внутрилитературная проблема. Так называемая «четвертая волна эмиграции» вынесла за пределы России не менее 2 млн. человек (оценки расходятся на порядок в связи с разницей в методе учета; в официальную статистику, в частности, не попадают сохранившие гражданство РФ, но постоянно проживающие за рубежом, см. [1]), в совокупности с продолжающейся пятой волной сегодня за пределами страны находятся, по предельным оценкам, до 20 млн. человек, считающих русский язык родным и продолжающих его активное использование. Сегодня только в Нью-Йорке живет порядка 800 тысяч русскоязычных американцев, а в Калифорнии – еще порядка полумиллиона. При этом, по крайней мере в Силиконовой долине, местных русских отличает высокий уровень образования, соответственно высокий уровень чтения. Следовательно, только в этих регионах мы имеем как минимум аналог двух областных центров Европейской России, а по уровню чтения, пожалуй, и того больше. Есть издательства, выходят журналы. Фактически за последние тридцать лет сформировался сильный русский анклав, способный производить и потреблять литературный продукт. Возможно ли появление американской русскоязычной литературы или же правильнее считать этот процесс американской ветвью единой русской литературы?

Модель выделения из английской литературы ряда национальных англоязычных литератур (американская, канадская, австралийская и др.), которая прежде всего приходит в голову исследователю, неоднозначна. Мы можем лишь задним числом уверенно сказать, что Джойс – английский литератор, хотя и ирландец, а вот Марк Твен – уже представитель американской литературы. «Лолита» Набокова в момент своей публикации на английском языке была, разумеется, явлением американской литературы, однако сейчас ни автора, ни весь корпус его произведений из русской литературы уже не вычеркнешь. Да, сегодня значительное число писателей продолжают считать себя русскими, десятилетиями проживая за границей, но печатаясь по-прежнему в России. С другой стороны, в стихах многих авторов, живущих в США, отчетливо видно влияние американской поэтики (включая позднего Бродского). Но разве от влияния языковой среды, образности, определенных ментальных и поэтических особенностей может быть свободен русскоязычный автор, живущий, например, в Татарстане или Грузии?

Филологи вполне обоснованно замечают, что «язык – это диалект, у которого есть парламент и армия» [3]. У русскоязычной Калифорнии этих факторов не предвидится, поэтому можно обоснованно предположить, что в ближайшее время глобализация русской литературы пойдет по региональному принципу, давно действующему в метрополии. Каждый регион имеет своих писателей, классиков «местного уровня», без знания которых затруднено понимание современного литературного процесса на данной территории. К примеру, на Урале такими «местными классиками» являются Мамин-Сибиряк и Бажов. Нельзя сказать, что они совершенно неизвестны за пределами региона – однако их положение в русской литературе в целом достаточно скромно. Интересно, что когда мы пытаемся найти «ядро» русской литературы, то есть из регионального многообразия выбрать тот круг произведений, которые максимально точно репрезентируют определенное историческое состояние литературы, у исследователей возникает понятие «канон». Я могу указать на предисловие к книге «Русский канон. Книги XX века» И. Н. Сухих [5], где он говорит об историчности

канона, роли критики и школьной программы, о мощной культурной инерции национального канона.

Здесь можно проследить прямую параллель с канонизацией святых русской православной церковью: есть местночтимые святые, а есть святые общецерковного почитания. Например, на Урале к местночтимым относится преподобный Василиск Туринский, а в Сурожской епархии (то есть в Англии) – король Эдуард Исповедник. Возможно, этот механизм воспроизводит какую-то более общую ментальную модель канона; данный архетип нуждается в серьезном культурологическом анализе. Сейчас православная церковь запустила процесс признания ряда местночтимых святых общеправославными – это, к примеру, почитаемый в Китае святитель Иоанн Шанхайский, святая праведная София Слуцкая, почитаемая в Белоруссии и др. Возможно, примерно так же будет обстоять дело и с русскими писателями зарубежья. По крайней мере, существует ряд авторов, сложившихся уже в эмиграции, но входящих в современную русскую литературу: Лея Любомирская пришла к нам из Португалии, Петр Бормор – из Израиля и т. д.

Пока что русскоязычная литература «ближнего зарубежья» продолжает оставаться региональной, ничем в этом измерении не отличаясь от литературы, скажем, Западной Сибири или Карелии. Региональная модель, сложившаяся за два последних века в русской литературе, успешно работает. Сможем ли мы так же интегрировать русскую литературу Австралии или Канады? Хватит ли нам доброй воли, любопытства, политического такта и тонких ниточек личных связей авторов и издателей не бросить эти авторские и читательские сообщества на произвол судьбы, а возможно, и не дать им угаснуть в иноязычном окружении?

Пока что в этом же ключе воспринимается русскоязычный литературный процесс и в эмигрантской среде: так, жюри всемирного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» объединило в одной номинации «Неоставленная страна» литераторов из России, Украины и Белоруссии, руководствуясь простым принципом: эти авторы продолжают жить в нативном языковом окружении [2]. Однако сможем ли мы уже в самом ближайшем будущем сказать то же самое о русскоязычных писателях, живущих в Молдавии, Азербайджане, республиках Средней Азии? Круг русскоязычного чтения в этих странах, увы, неуклонно сжимается.

Поэтому вопрос о судьбе русской литературы за рубежом – это не только вопрос о модели, по которой будет развиваться собственно литература. Прежде всего, это вопрос о культурной самоидентификации потомков миллионов эмигрантов четвертой-пятой волн через 30–40 лет. Останется ли для них русский язык родным? Будут ли они воспринимать Россию как историческую, но все-таки родину? Или же растворятся без остатка в глобальном мире без границ и национальностей? Это зависит, прежде всего, от того, сможет ли русская литература служить опорой для развития своего зарубежного сегмента, будет ли она по-прежнему полем притяжения для каждого русскоговорящего в мире, а значит – доносить до людей наши ценности, наш взгляд на мир и историю, обеспечивая наше представительство в глобальном диалоге народов. Вопрос, напрямую относящийся к проблеме «мягкой силы».

Какова может быть позитивная программа, не позволяющая нам хотя бы в среднесрочной перспективе утратить такой важный ресурс мягкой силы, как зарубежная русскоязычная литература? Во-первых, необходимо обратить на нее серьезное внимание и не сбрасывать со счетов при планировании науч-

ных исследований, литературных конкурсов, фестивалей и т. д. Я не призываю к изданию особого журнала «Русская словесность за рубежом», но думать, что настоящие русские писатели живут только в России, так же глупо, как думать, что настоящие писатели живут только в Москве, а все остальные провинциальные графоманы. Отдельно следует остановиться на переводах современных зарубежных авторов. Зарубежные русскоязычные писатели, находясь внутри лингвокультурной среды проживания, сплошь и рядом лучше любых исследователей представляют себе движение зарубежных литератур и актуальные тенденции их развития. Во-вторых, необходимо предпринять усилия по воспроизводству русского читателя. В социальных сетях регулярно встречаются жалобы зарубежных соотечественников, что дети, живущие в иноязычном окружении, не понимают сказки Пушкина – действительно, даже внутри России редкая семья может дать ребенку знание родного языка выше уровня повседневного бытового общения. Необходимы хрестоматии и методики для семейного преподавания русского языка в иноязычном окружении. В-третьих, необходимо дистанцировать литературную (и культурную вообще) составляющую процесса поддержки соотечественников от политической и идеологической, поскольку задачи последних по определению краткосрочны, а культура работает на долгосрочную перспективу.

1. Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья. Демоскоп Weekly, № 509–510, 1–20 мая 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf>.

2. Мельник А. Заметки организатора о фестивале «Эмигрантская лира-2017» // Эмигрантская лира. Литературно-публицистический журнал, 2017. № 3. URL: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/melnik-alexandr/2017-3-1>.

3. «Проблема «язык или диалект». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%C2%AB%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%C2%BB.

4. Цит. по: Русакова О. Ф., Русаков В. М. «Мягкая сила как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Научный журнал «Дискурс Пи». 2017. № 1 (26), с. 67.

5. Сухих И. Н. Русский канон. Книги XX века. – Москва, 2013. – С. 6–13; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://profilib.net/chtenie/131289/igor-sukhikh-russkiy-kanon-knigi-xx-veka.php#t1>.

References

1. Denisenko M. E'migraciya iz Rossii v strany dal'nego zarubezh'ya. Demoskop Weekly, № 509–510, 1–20 maya 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf>.

2. Mel'nik A. Zаметki organizatora o festivale «E'migrantskaya lira-2017» // E'migrantskaya lira. Literaturno-publicisticheskij zhurnal, 2017. № 3. URL: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/melnik-alexandr/2017-3-1>.

3. «Problema «yazyk ili dialekt». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%C2%AB%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%C2%BB.

4. Cit. po: Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi». 2017. № 1 (26), s. 67.

5. Suxix I.N. Russkij kanon. Knigi XX veka. – Moskva, 2013. – S. 6–13; To zhe [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://profilib.net/chtenie/131289/igor-sukhikh-russkiy-kanon-knigi-xx-veka.php#t1>.

UDC 821.054.7+327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.186191

RUSSIAN LITERATURE ABROAD AS A RESOURCE OF “SOFT POWER”

Yakubovsky Andrey Eduardovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ayac@yandex.ru

Annotation

The paper brings up the challenge that the literary works authored by the “fourth-wave” emigrants face when entering the contemporary Russian literature. It is noted that the meaningful character of the Russian-speaking diaspora and the talented writers it comprises may be leading to local Russian-language literatures emerging outside Russia. A hypothesis is put forward that in the nearest future their interaction with the metropolitan Russian literature will develop following a classical regional model. An issue of establishing factors to identify such local literatures is discussed to distinguish them as advanced artistic phenomena. In conclusion, an effort is made to formulate the working principles to be applied for using the non-metropolitan Russian literature as a soft power resource.

Key concepts:

cultural identity, Russian literature, literature of Russian emigration, Russian Diaspora, regional literature, language environment, soft power.